

РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тындик А.О., научный сотрудник НИСП

В статье представлено комплексное исследование репродуктивных установок населения в современном российском обществе. В его рамках анализируется взаимосвязь между различными элементами репродуктивного поведения. Показано, что компоненты системы индивидуальных репродуктивных установок гармонично сочетаются между собой и как степень реализации потребности в детях зависит от ее величины.

В связи с тем, что в условных поколениях расхождения между желаемым и достигнутым размером семьи, а также ближайшие планы относительно рождения ребенка, обусловлены календарем рождений, отдельное внимание уделяется вопросу о возрасте первого рождения. Автор показывает связь между ориентацией на однодетность и откладыванием деторождения, стремлением к многодетности — и более ранним вступлением в родительство.

Исследование проводилось на базе репрезентативного социально-демографического обследования РИДМЖ.

ВВЕДЕНИЕ

Снижение рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства населения, характерное для большинства развитых стран, объясняется либо трансформацией ценностей в отношении числа детей в семье, либо разрывом между нормативными представлениями населения и его фактическим репродуктивным поведением.

Недостижение желаемого числа детей обусловлено рядом социально-экономических причин — в первую очередь, увеличивающейся ценой времени женщины. Вследствие роста занятости женщин и повышения их образовательного уровня макроэкономическая и социальная инфраструктура были переориентированы на двухдоходные семьи, что сделало традиционную модель семьи («мужчина-добытчик, жена-домохозяйка») экономически невыгодной. Рост косвенных издержек рождения ребенка, равно как и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла, сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам и нередко приводят к снижению числа детей в целом. Однако повышение возраста материнства может быть связано только с текущим снижением рождаемости: вопрос о том, будет ли это скомпенсировано впоследствии, после того как средний календарь рож-

дений стабилизируется, остается открытым. На макроуровне связь между более поздним возрастом рождения первого ребенка и числом детей к концу репродуктивного периода не подтверждена однозначно.

Ценностное основание современных демографических тенденций заключается в продолжающемся повышении в иерархии ценностей современной женщины ее самореализации вне домохозяйства. Конкуренция потребностей вызывает изменение представлений о желаемом числе детей, что в свою очередь выливается в уменьшении количества детей в семьях. Многие исследователи отмечают снижение давления социальных норм общества (прежде всего, норм в отношении семьи и брака), рост личностной независимости и развитие потребностей «более высоких порядков» [Sobotka et al., 2003; Lesthaeghe, Neidert, 2006]. В связи с этим индивидуальные предпочтения в отношении числа детей и сроков их появления являются ключевыми вопросами для исследования постпереходной рождаемости. Раннее родительство нередко интерпретируется как знак более высоких репродуктивных установок [Hoen et al. 2001].

Принятие решения о рождении ребенка происходит в условиях неопределенности, поэтому люди в целом склонны переоценивать будущую рождаемость. То, от каких факторов зависит вероятность приведения в жизнь данного решения и какова величина рождаемости в современной России, вызывает высокий исследовательский интерес.

Основной задачей данной работы выступало исследование установок в отношении числа детей в семье в современном российском обществе и их трансформации в фактическое поведение. В рамках решения этой задачи авторы задавались вопросами о взаимосвязях между различными элементами репродуктивного поведения, а именно:

- Какова согласованность различных показателей репродуктивных установок?
- Насколько тесно взаимосвязаны индивидуальные нормы детности и фактическое число детей, возраст первого рождения?
- Как происходит трансформация установок в репродуктивные намерения на конкретный период времени?

Исследование проводилось на базе репрезентативного социально-демографического обследования РидМиЖ.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК

Теоретическая рамка, широко охватывающая весь процесс формирования представлений о размере семьи, еще не оформилась [Testa, Grill, 2004]. Дискуссия о репродуктивных установках с самого начала шла вокруг методологии их измерения, обоснованности и надежности использования тех или иных

показателей. И западные, и российские эксперты чаще всего оперируют такими понятиями, как идеальное, желаемое и ожидаемое число детей¹.

Советская и российская демография накопила значительный опыт в изучении предпочтений различных социальных групп в отношении числа детей и в сравнении этих предпочтений с фактическим числом детей. Ключевым понятием в рамках отечественного подхода является понятие потребности в детях — «социально-психологического свойства индивида, проявляющегося в том, что без наличия детей и подходящего числа их индивид испытывает затруднения как личность» [Архангельский, 2006]. Много внимания уделяется внутренней структуре потребности в детях и ее разграничению с другими потребностями человека. Фактическое репродуктивное поведение зависит от разрешения конфликта в ситуации выбора между удовлетворением потребности в детях, других потребностей и внешними факторами, способствующими или препятствующими тому или иному выбору [Борисов, 1976]. Именно потребность в детях формирует репродуктивную установку, которая может быть численно выражена через систему трех показателей. Здесь идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия) [Борисов, 1976]. Характерной чертой практического воплощения данного теоретического подхода выступают рекомендации включать в обследования все три вопроса и, желательно, подряд. Считается, что только в этом случае респондент будет различать эти понятия, в то время как при неполном наборе вопросов создается возможность для их смешения. Согласованность показателей отражает гармоничность установки в целом, а «более гармоничные установки более устойчивы, и семейные планы в этом случае точнее реализуются»² [Белова, Дарский, 1972].

В развитых странах взаимосвязь между установками, планами и реальным поведением в репродуктивной сфере исследуется также не одно десятилетие. Относительно идеального размера семьи отмечалось, что он носит абстрактный характер, поэтому слабо связан с фактическим опытом деторождения [van de Kaa, 2001] и слабо реагирует на колебания рождаемости. Нередко он дополняется вопросом об идеальном возрасте рождения ребенка, так как календарь рождений выступает не менее важной характеристикой рождаемости, чем ее количественные показатели.

В центре внимания долгое время находилось желаемое число детей. И западные, и российские исследователи признают, что желаемое число детей лучше всего отражает индивидуальную потребность в детях и, следовательно, этот показатель может служить наиболее близким числовым выражением репродуктивной установки детности. Но при этом оно не может служить в качестве показателя точного количества детей к концу репродуктивного

¹ Формулировки вопросов варьируют от обследования к обследованию, но в целом под идеальным числом детей понимается то их число, которое, по мнению респондента, идеально иметь вообще; под желаемым — сколько детей сам респондент имел бы при всех необходимых условиях; под ожидаемым — сколько детей он собирается иметь всего.

² Отмечали это и Р.Фридман и Л.Кумбс: если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, 1965].

периода: в странах с низкой рождаемостью оно всегда будет больше фактического при незначительных колебаниях разницы между ними. Однако необходимо отметить, что желаемое число детей как индикатор установок детности чаще подвергался изучению на макроуровне — на основании анализа тенденций средних значений показателя выявлялась взаимосвязь с уровнем текущей и будущей рождаемости. Работ, направленных на комплексное изучение желаемого числа детей на микроуровне, значительно меньше. Отчасти это связано с тем, что корректный анализ степени успешности реализации предпочтений в отношении числа детей затруднен в связи с высокими требованиями, предъявляемыми к длине панельных данных. Ранее популярными были ретроспективные вопросы — в частности, о желаемом и ожидаемом числе детей на момент вступления в брак. В дальнейшем от использования анамнестического метода применительно к установкам и намерениям отказались ввиду невысокой достоверности такой информации.

С теоретической точки зрения исследование текущей рождаемости должно проводиться в однородных по желаемому числу детей группах [Архангельский, 2006], однако такой анализ затруднен неустойчивостью установок. Долго время считалось, что представление о желаемом числе детей формируется в юности и остается на одном и том же уровне в течение жизни, определяясь более всего ценностями родительской семьи и религиозными установками [Ryder, 1973]. Советская демография также придерживалась мнения, что социальные репродуктивные нормы формируются средой в период социализации личности и потом мало меняются в течение жизни человека. Более точно это звучит в работе Борисова: в юности, в период социализации, формируется представление об идеальном числе детей, т. е. когнитивно-нормативные компоненты репродуктивной установки, но не вся установка [Борисов, 1976].

Лонгитюдные обследования помогли отследить изменение предпочтений на протяжении жизненного цикла. Описание наиболее ранних панельных обследований, в которых выявлялась устойчивость репродуктивной установки и ее связь с фактическим поведением, можно найти в работах Р. Фридмана и Л. Кумбса [Freedman, Coombs, 1965], Ф. Уилсона и Л. Бампасса [Wilson, Bumpass, 1973], Ч. Уэстоффа и Н. Райдера [Westoff, Ryder, 1977] и других³. Было выявлено, что репродуктивные установки меняются в течение жизненного цикла, будучи последовательным и обусловленным процессом. Факторами, влияющими на характер репродуктивных установок, выступают образование и история занятости на рынке труда наряду с историей создания и распада союзов, а также влияние предпочтений партнера [Thomson, 1996]. Между желаемым и фактическим числом детей возникает обратная связь. Особенно это характерно для незапланированных рождений и для тех, кто только вступает в родительство. Однако по мере «привыкания» к новому статусу респонденты нередко возвращаются к прежним установкам.

Одни и те же когорты с возрастом могут указывать как меньшее, так и большее число детей в качестве желаемого. Анализ длинных панельных

³ Несколько региональных лонгитюдных исследований было проведено и в России, более подробно см.: Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М.: ТЕИС, 2006.

данных о репродуктивных намерениях (бюро Microcensus surveys проводило опросы в 1986, 1991, 1996 и 2001 гг.) показал, что австрийские женщины к 30 годам демонстрируют чуть более высокие репродуктивные намерения, чем когда они находились в возрасте 18–25 лет [Prskawetz et al., 2008]. В работе Хейлэнда [Heiland et al., 2008] отмечается неустойчивость желаемого числа детей — в среднем, около 50% респондентов изменили свое мнение о нем ко второй волне обследования (через 7 лет) как в сторону повышения, так и в сторону понижения. Тем не менее, авторы наряду с другими исследователями [Westoff, Ryder, 1977] отмечают, что репродуктивные установки имеют большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками и содержат информацию, ценную для понимания последующего репродуктивного поведения.

Применительно к оценке будущей рождаемости чаще всего используется ожидаемое число детей. Поиск наиболее точных способов измерения этого показателя все еще не окончен. В одном из новых подходов ожидаемое число детей анализируется применительно к конкретному горизонту планирования, а не на весь репродуктивный период. Несмотря на то, что вопросы о намерениях задавались в обследованиях еще в середине XX века⁴, общая теоретическая модель, объясняющая взаимоотношение репродуктивных намерений и фактических рождений с учетом расхождений между двумя этими показателями, была разработана Миллером и соавторами гораздо позже [Miller et al., 2004]. Концепция TDIB («Traits-Desires-Intentions-Behaviour», т.е. «свойства личности-желания-намерения-поведение») несет в себе трехуровневую систему из биологических, психологических и социальных переменных. Существуют четыре возможных комбинации связи между намерениями и рождениями — реализация положительных намерений (рождение), реализация отрицательных намерений (нерождение), а также в случаях, когда намерения не реализуются: ложноположительная — если желание иметь ребенка не приводит к его появлению, и ложноотрицательная — если рождение ребенка происходит «незапланированно», при высказанном ранее нежелании иметь детей. Причиной ложноположительных намерений часто служит откладывание деторождения. В основном же к причинам ложноположительных результатов относятся события жизненного цикла, бесплодие и репродуктивные намерения партнера; ложноотрицательных — незапланированные беременности и появление нового партнера.

Репродуктивные намерения рассматриваются как серия последовательных и изменяющихся во времени индивидуальных решений, которые зависят от очередности рождения и временного интервала, на который осуществляется планирование [Morgan, 2001]. Здесь также следует учитывать контекст, в котором формируются намерения и принимаются последующие решения, включая изменения в брачно-партнерском состоянии, возможно, пол имеющихся детей и пр., а также потенциальные разногласия между партнерами

⁴ Впервые вопросы о намерениях были разработаны в 1955 г. Growth of American Families Study и, в частности, в обследованиях США 1955 и 1960 гг. (GAF I и GAF II) задавались вопросы о том, скольких из общего числа ожидаемых детей женщина собирается родить в течение ближайших 5 лет. Агрегированная обработка данных показала высокую степень реализации заявленных планов.

в отношении деторождения. В связи с более низкими требованиями к длине панельных данных такие тайминговые показатели использовать легче.

На основании разных эмпирических данных было выявлено, что намерения завести ребенка в течение определенного периода обладают лучшей предсказательной способностью, чем предпочтения в отношении детности, измеряемые через ожидаемое или желаемое число детей [Tesfaghiorghis 2007; Toulemon, Testa 2005]. Нежелание иметь (больше) детей особенно хорошо согласуется с последующим поведением (т. е. нерождением ребенка) [Westoff, 1990]. Многое также зависит от степени уверенности: более определенные намерения, в том числе положительные, реализуются лучше [Schoen R. et al. 1999; Tesfaghiorghis 2007; Toulemon, Testa 2005]. В результате ряда исследований подтверждается, что намерения служат важным фактором, объясняющим последующее рождение ребенка. Более того, этот фактор имеет большую валидность по сравнению с другими индивидуальными характеристиками [Westoff C. F., Ryder, 1977; 1 Heiland et al., 2008 и др.].

Репродуктивные установки и намерения супружеской (партнерской) пары выступают отдельным направлением исследования. Традиционный экономический подход рассматривает предпочтения, полезность и решения домохозяйства (семьи) как единого целого [Becker, 1991], но в социологической теории и установки, и намерения выступают сугубо индивидуальными характеристиками, что, в частности, допускает конфликты внутри семьи относительно желания иметь детей, их количества и календаря рождений. Если репродуктивные установки и намерения являются индивидуальными характеристиками каждого из партнеров, то дальнейшее поведение выступает результатом совместного принятия решения. Поднимался этот вопрос и среди отечественных исследователей: высказывались предположения, что потребность семьи в детях формируется как «некоторая средняя из индивидуальных потребностей членов семьи» [Борисов, 1976]. Другие авторы склонялись к утверждению о том, что установка сугубо индивидуальна и «вряд ли можно говорить о том, что она (репродуктивная установка) существует у группы, даже тогда, когда в виде такой группы выступает семья. По-видимому, следует допустить, что муж и жена обладают разными репродуктивными установками, и частота их совпадения есть один из показателей гармонии семьи» [Белова, Дарский, 1972].

К сожалению, не так много обследований позволяют изучить репродуктивные установки обоих партнеров и при этом проследить успешность их реализации. Основным результатом работы Э. Томсон [Thomson, 1996] на основании панельного Национального исследования семьи и домохозяйства, проводимого в Соединенных Штатах Америки, является вывод о том, что разногласия в паре понижают вероятность рождения ребенка и повышают вероятность того, что намерения того партнера, который хотел бы иметь ребенка, изменятся в отрицательную сторону. Причем гендерное распределение ролей внутри пары не оказывает влияния на данный факт, а установки и намерения мужчины практически столь же значимы для принятия решения, сколь и женщины. Те же закономерности отмечает и В. Н. Архангельский:

по его словам, на окончательное решение влияет позиция того из супругов, кто ориентирован на меньшее число детей⁵.

Наконец, перспективным методом изучения репродуктивных установок и намерений являются качественные исследования. В последнее время в европейских странах был проведен ряд таких исследований, сосредоточенных на изучении норм, ценностей и всего комплекса объективных обстоятельств, сопутствующих процессу принятия решения о рождении ребенка [Philipov et al., 2009]. Однако систематические сопоставимые результаты анализа на качественном уровне пока получены не были.

Эмпирическая база исследования

Появление панельного обследования — «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)⁶, реализуемого Россией в рамках международной программы «Поколения и гендер», позволило заново обратиться к изучению репродуктивного поведения населения России. Оно выступает одним из главных фокусов обследования, которое позволяет не только проанализировать фактические репродуктивные биографии респондентов, но и оценить предпочтения в отношении детности, а также намерения родить или усыновить детей — вообще или в течение определенного периода времени.

Анализ основан на пространственной выборке за 2007 г. Пространственная выборка 2007 г. ограничивалась 18–44-летними женщинами, за исключением пенсионерок, длительно больных и инвалидов (поскольку их репродуктивное поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин), не имевших сексуального опыта, беременных на момент опроса и тех, чье здоровье (или здоровье партнера) не позволяет иметь собственного ребенка. Общее число наблюдений в определенной таким образом выборке составило 2423 человека.

Вопрос о желаемом числе детей в обследовании РиДМиЖ-2007 сформулирован таким образом, чтобы в нем не содержалось намека на должностное поведение или зависимость от внешних условий: *«Сколько всего детей включая имеющихся, вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?»*.

Первый вопрос о намерениях касался общего желания респондента родить ребенка: *«Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?»*. Он допускал ответы «да», «нет» и «не уверен(а)». Кроме собственного желания иметь ребенка, у респондента выясняли, хочет ли ребенка его (ее) партнер. Это позволяло учесть влияние согласия в паре относительно желания иметь детей на будущее поведение⁷. Дополнительным индикатором согласованности репродуктивных намерений партнеров служат ответы на вопрос о том, случались ли за последние 12 месяцев у партнеров разногласия по поводу решения иметь ребенка, оценивавшиеся по шкале от «никогда» до «очень часто». Второй вопрос измерял планы родить ребенка в обозримой перспективе: *«Собираетесь ли Вы*

⁵ Семинар Лаборатории исследований рынка труда ГУ-ВШЭ, 2.06.2009.

⁶ Подробнее см.: <http://www.socpol.ru/gender/about.shtml>

⁷ Дополнительным индикатором согласованности репродуктивных намерений партнеров служат ответы на вопрос о том, случались ли за последние 12 месяцев у партнеров разногласия по поводу решения иметь ребенка, оценивавшиеся по шкале от «никогда» до «очень часто».

завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?» (так называемые «ближайшие» репродуктивные намерения). В отличие от вопроса об общих намерениях этот вопрос допускал различную степень уверенности в намерениях респондентов. Возможные ответы включали: «определенно да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет» и «определенно нет». Таким образом, вопрос выявлял потребность в детях, соотношенную с возможностями и другими планами респондента на этот период. Тех респондентов, которые ответили отрицательно, спрашивали о намерении иметь детей когда-либо позже, за пределами трех лет: «Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?», что позволяло оценить склонность к откладыванию рождения детей. Таким образом, в данной работе решалась также и методическая задача: определить, насколько связь между репродуктивными намерениями и будущими рождением зависит от способа измерения намерений.

Вопрос об ожидаемом числе детей задавался после вопроса о репродуктивных намерениях и только тем, кто не ответил «определенно нет» на вопрос о намерении когда-либо завести ребенка. Он формулировался следующим образом: «Сколько всего детей (включая имеющихся и текущую беременность) Вы собираетесь иметь?»

Репродуктивные установки в современной России

Показатели желаемого и ожидаемого числа детей являются ключевыми в исследовании репродуктивных ориентаций населения. В таблице 1 приведены данные, полученные по результатам РидМиЖ-2007. В ходе анализа мы привлекали дополнительные источники информации, однако за последние 20 лет достоверные и репрезентативные для всего населения данные о репродуктивных ориентациях можно найти только в результатах микропереписи 1994 г., и то — только об ожидаемом числе детей. Ориентироваться на результаты многолетних опросов ВЦИОМ [Бодрова, 2002] довольно сложно: во-первых, из-за некоторых сомнений в их достоверности [Архангельский, 2006; Население ..., 1999], во-вторых, из-за того, что в публикациях приводятся только средние значения. Поэтому уверенно говорить о тенденциях норм детности российского населения в постсоветский период мы не можем. В какой мере они снижаются за счет падения доли сторонников трехдетности, в какой — за счет перехода ориентированных на рождение двоих в группу однодетных? Насколько стабильна доля наиболее многочисленной категории предпочитающих семью с двумя детьми?

Результаты опроса «Семья и рождаемость» [Семья ..., 2010], к сожалению, не до конца сопоставимы с РидМиЖ: различия в характере формирования выборки и шкалы ответов⁸ затрудняют сопоставление двух обследований.

⁸ В выборку обследования «Семья и рождаемость» попали только женщины, имеющие партнера в домохозяйстве (который тоже опрашивался), а также незамужние матери. Бездетные женщины, проживающие без партнера, представлены не были, что привело к смещению выборки в целом (таб. 57 в [Семья ..., 2010]). Шкала ответов на вопросы о желаемом и ожидаемом числе детей включала вариант «трудно сказать» (отсутствующий в РидМиЖ), перетянувший на себя 5,8% ответов по желаемому и 11% ответов по ожидаемому числу детей.

Таблица 1. Распределение женщин репродуктивного возраста по желаемому и ожидаемому числу детей, процент и единицы

Число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	2,0	1,9
1	17,3	25,2
2	58,9	55,6
3	17,6	13,3
4	2,5	2,0
5 и более	1,1	0,8
нет ответа	0,7	1,1
среднее число детей	2,06	1,91

Источник: РИДМЖ-2007.

Но главное, что они совпадают в одной немаловажной цифре: почти 60% респонденток обоих опросов предпочитают двухдетную модель семьи. Значит, применительно к женщинам репродуктивного возраста можно с прежней уверенностью говорить о преобладании нормы двухдетности.

Добровольная бездетность в России по-прежнему не находит распространения, и отсутствие детей считают предпочтительным всего 2% респондентов. Сторонников однодетной модели семьи 17% — почти столько же, сколько и трехдетной. Полученное распределение говорит о том, что российское общество чрезвычайно однородно по репродуктивным установкам.

Разрыв между средними значениями по желаемому и ожидаемому числу детей составляет всего 0,15 ребенка. О высокой гармоничности установок свидетельствуют и то, что у 80% респондентов оценки желаемого и ожидаемого числа детей совпадают. Чаше всего несовпадение встречалось среди тех, кто желал бы завести двоих детей, но собирается иметь одного (8% всей выборки), в два раза реже — среди тех, кто назвал 3 и 2 ребенка соответственно. Еще 1,5% респондентов при всех необходимых условиях хотели бы родить троих детей, но планируют только одного. Остальные значения ячеек кросс-таблицы не превышают 1% выборки. Однако те же цифры могут выглядеть и по-другому: если среди ориентированных на двухдетность ожидают рождения одного ребенка 13,5%, то среди назвавших троих детей в качестве желаемого числа уже каждый третий корректирует свои желания в меньшую сторону (ожидаемое число детей равно двум у 23%, одному — у 8%). Можно предполагать, что трехдетность в российском обществе становится все более декларативной установкой.

Во избежание сомнений в неверном толковании вопросов мы осуществили проверку ответов на согласованность — кросс-анализ желаемого и ожидаемого числа детей с числом уже фактически имеющихся показал внутреннюю непротиворечивость результатов. Только 1,7% респондентов указали желаемое число детей меньше фактического и всего 0,6% — ожидаемое меньше фактического. Если применительно ко второму случаю можно говорить о статистической погрешности, то среди первых 40 человек должны

быть такие, чье представление о желаемом числе детей могло измениться под влиянием имеющегося опыта рождения и воспитания.

В дальнейшем анализе основное внимание будет сосредоточено на желаемом числе детей (на укрупненных группах), а ожидания респондентов будут рассматриваться через призму намерений. Предпочитающих добровольную бездетность мы также исключали из основного анализа в силу немногочисленности этой группы и ее высокой неконсистентности. Она представлена либо самыми младшими, либо самыми старшими возрастными группами, причем у многих есть дети, что заставляет сделать предположение либо о сильной обратной связи, либо о непонимании вопроса.

Желаемое и фактическое число детей

Так насколько же велики отклонения реального числа рождений от желаемого? Доля респондентов, родивших к моменту опроса больше детей, чем входит в их представления о предпочтительном числе детей, невелика (1,6% от численности выборки, из которых 1,1% приходится на сторонников бездетности). Лучше и быстрее всего представления о желаемом числе детей реализуются в том случае, если это 1 ребенок. Среди предпочитающих одноплодность почти 70% уже выполнили свою репродуктивную программу. Тогда как при переходе к предпочтениям в два и более детей фактическое число рождений у всё большей доли опрошенных отклоняется от желаемого. Среди назвавших рождение двоих детей наиболее желательным вариантом, многие уже родили одного ребенка (44%) и еще 35% полностью реализовали свое представление о желаемом числе детей.

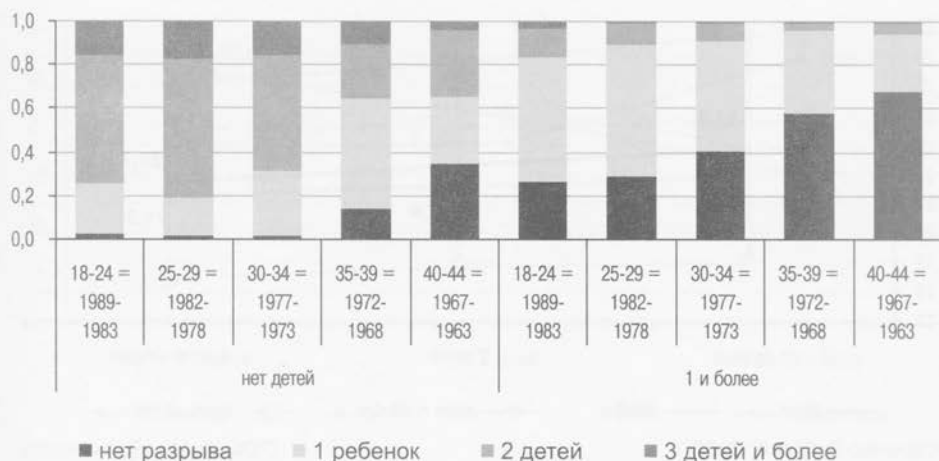
Несмотря на то, что мы не располагаем длинными панельными данными и не можем отследить трансформацию репродуктивной установки на протяжении жизненного цикла, деление пространственной выборки на демографические группы позволяет выдвинуть некоторые предположения (рис. 1). В частности, вариация разрыва по возрасту наглядно демонстрирует изменение предпочтений при переходе от бездетных в возрастных группах до 34 лет к тем, кому 35 лет и старше. Существенно снижается доля тех, кто при всех необходимых условиях имел бы двоих детей — сначала за счет предпочти-

Таблица 2. Фактическое число уже рожденных детей в зависимости от желаемого числа детей, процент

		Общее число рожденных детей					
		0	1	2	3	4 и более	всего
Желаемое число детей (среди ответивших респондентов)	0	0,9	0,3	0,6	0,2	0,0	2,0
	1	5,2	11,9	0,2	0,0	0,0	17,4
	2	11,9	26,2	20,9	0,2	0,1	59,3
	3	2,5	4,6	6,7	3,9	0,0	17,7
	4 и более	0,7	0,5	0,9	0,8	0,7	3,7
	всего	21,3	43,3	29,4	5,1	0,9	100

Источник: РидМиЖ-2007.

Рисунок 1. Разрыв между желаемым и фактическим числом детей в зависимости от возрастной группы и числа уже рожденных детей

Источник: РидМиЖ-2007.

тающих однодетность, потом за счет тех, кто остался бы бездетным в любом случае. Очевидно, что предоставление всех необходимых условий все равно не включает в себя изменение возраста респондентки.

Таким образом, по данным 2007 г. фактическое число детей совпадало с желаемым у примерно трети мужчин и женщин. Мы проводим анализ в условных поколениях и среди тех, кто еще не завершил свой репродуктивный период⁹, поэтому необходимо понимать, что этот разрыв и его вариация по группам населения во многом обусловлены календарем рождений.

Желаемое число детей и возраст при рождении первенца

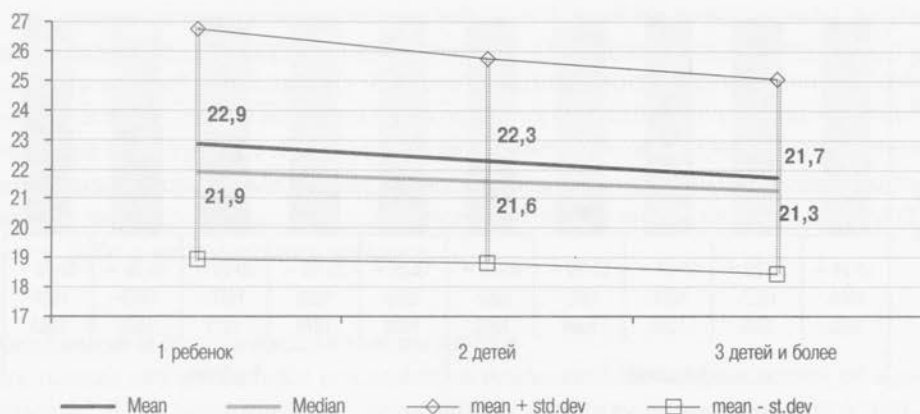
Существование отрицательной связи между желаемым числом детей и возрастом при рождении первенца будет свидетельствовать в пользу того, что высокие репродуктивные установки приводят к более раннему формированию семьи — независимо от остальных событий жизненного цикла. Не имея ретроспективных данных, мы не ставили целью определение направления этой связи, но предполагали, тем не менее, что прямая связь (репродуктивные установки — возраст при рождении) сильнее обратной связи (возраст при рождении — репродуктивные установки).

Анализ средних значений возраста при рождении первенца действительно показывает существенную его вариацию по группам женщин с разными репродуктивными установками (рис. 2).

Несмотря на то, что материнство в России продолжает стареть, средний возраст первого рождения все еще остается достаточно низким по сравнению с другими развитыми странами. Среди населения все еще сильны установки на то, что рожать первенца лучше до 30 лет (или даже до 25). Вспомогательные репродуктивные технологии, продлевающие возраст, в котором вероятность

⁹ Тем, кто его завершил, вопрос не задавался.

Рисунок 2. Средний и медианный возраст при рождении первого ребенка в разрезе желаемого числа детей, лет

Источник: РИДМИЖ-2007.

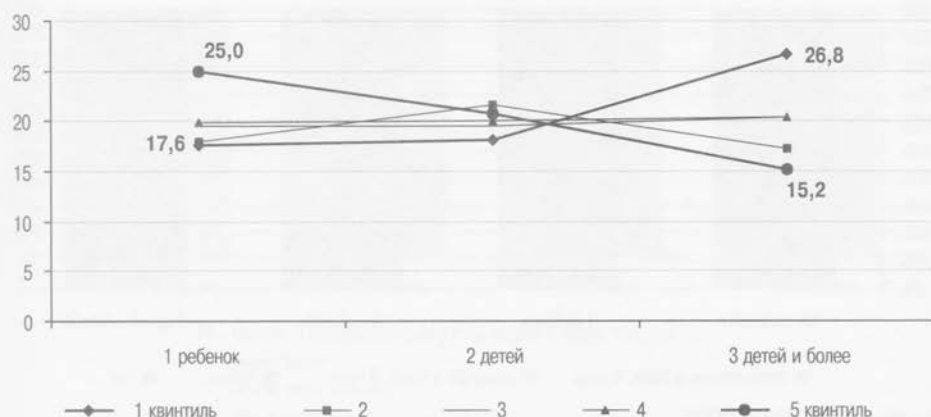
деторождения высока, распространены относительно слабо и являются труднодоступными в силу высокой стоимости оказания услуг. Что не менее важно, вариация этого показателя по-прежнему небольшая. Среди имеющих хотя бы одного ребенка, около половины женщин родили его к 21,5 году (вариация по когортам здесь крайне невелика). И около 60% первых рождений приходится на пятилетний возрастной интервал в 19,5–24,5 лет. Таким образом, российское общество отличается высокой однородностью не только по нормам детности, но и по календарю рождений. В случае снижения первой одновременно увеличится дифференциация общества по линиям репродуктивного поведения (календарю рождений), а значит и по моделям жизненного цикла в целом.

Если перейти от анализа средних значений к рассмотрению групп респонденток с наиболее низкими и наиболее высокими значениями возраста при первом рождении, то картина становится более выпуклой (рис. 3). Среди ориентированных на рождение трех и более детей только 15% женщин вошли в верхнюю квинтиль по возрасту первого рождения (это означает, что рождение состоялось не ранее 24,5 лет), тогда как среди сторонников одноплодности таких на 10 п. п. больше.

Таким образом, откладывание и одноплодность тесно взаимосвязаны. Толкование этой связи может быть двояким: с одной стороны, ориентация на одноплодность позволяет «не спешить», с другой стороны, позднее рождение может внести коррективы в представления о желаемом числе детей в сторону их уменьшения. И наоборот — репродуктивные ориентации на трех детей и более встречаются у самых молодых матерей (около 40% сторонниц многодетности родили ребенка до достижения 20 лет). Это означает, что для них ценность формирования семьи превышает по значимости получение высокого уровня образования и закрепление на рынке труда.

Не все респондентки уже имеют детей, и абсолютные значения возрастных порогов в целом повысятся по мере того, как они будут вступать в родительство. Однако соотношение, скорее всего, не изменится — по структуре

Рисунок 3. Квнтильные группы по возрасту первого рождения в разрезе
желаемого числа детей, процент

Источник: РидМиЖ-2007.

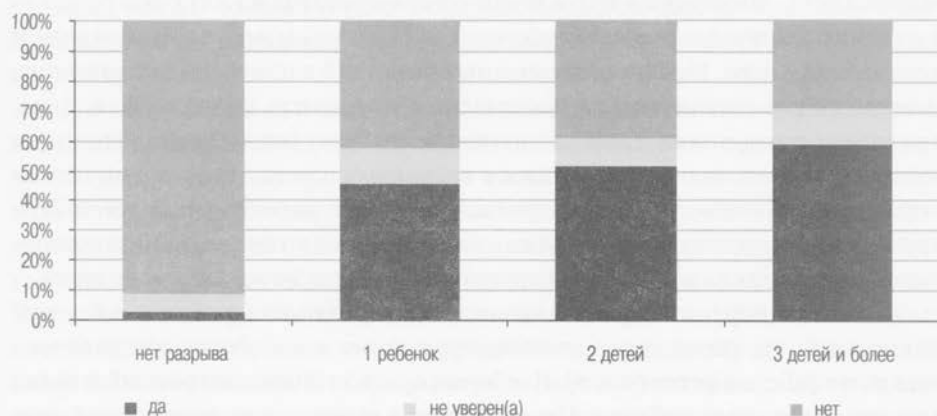
репродуктивных установок бездетные женщины наиболее активных репродуктивных возрастов не отличаются от всех остальных.

Разрыв между желаемым и фактическим числом детей и репродуктивные намерения

Разрыв между желаемым и фактическим числом детей отражает неудовлетворенную потребность в детях и в каждый конкретный период времени транслируется в репродуктивные намерения.

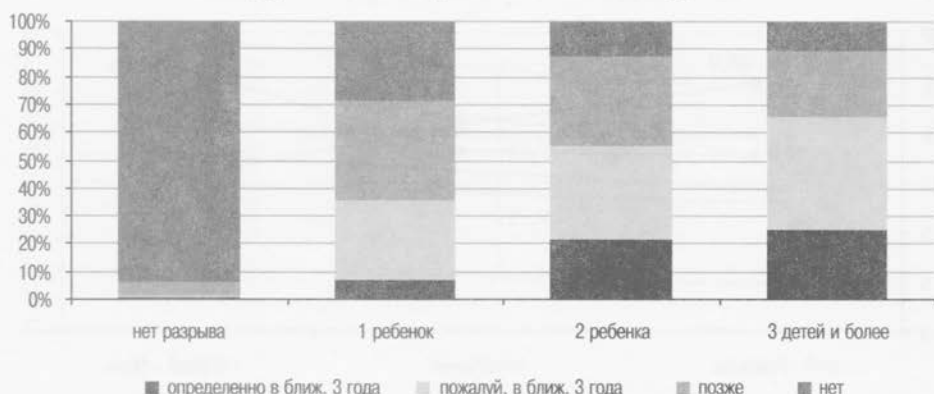
В соответствии с ответом на общий вопрос доля желающих иметь ребенка в настоящий момент варьирует в зависимости от величины разрыва между желаемым и фактическим числом уже имеющихся детей (рис. 4). Она составляет 46%, 51% и 57% соответственно для тех, у кого этот разрыв составляет 1 ребенка, 2 или 3 и более детей.

Рисунок 4. Общие репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между
желаемым и фактическим числом детей

Источник: РидМиЖ-2007.

Рисунок 5. Интегральные репродуктивные намерения женщин в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей

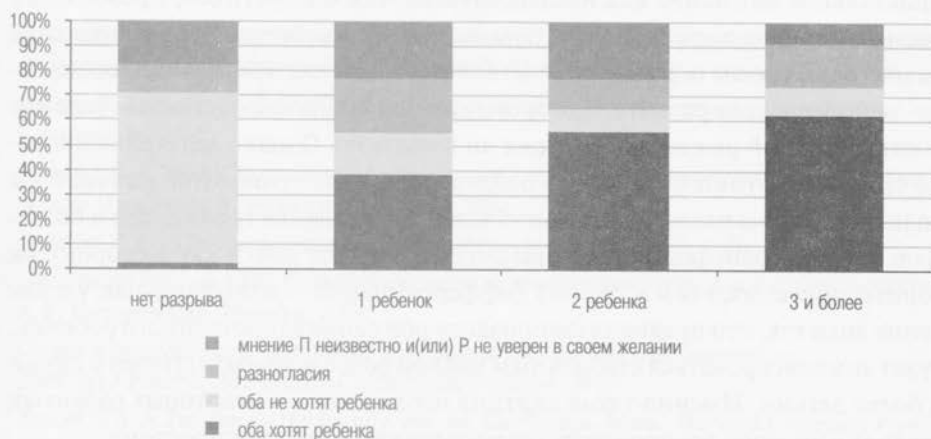
Источник: РидМиЖ-2007.

Более тонкий инструмент интегральных репродуктивных намерений также демонстрирует, что чем выше разрыв, тем сильнее намерения, и в том числе — на ближайшие 3 года (рис. 5). Доля уверенных в своем желании родить ребенка в этот период резко увеличивается с 7% до 22% при переходе с тех, кто отмечает разницу между желаемым и фактическим как 1 ребенка, к группе с разницей в 2 детей. Однако при дальнейшем увеличении разрыва эта доля увеличивается совсем незначительно: до 25%. Менее уверенные в своих намерениях составляют соответственно в каждой из групп 29%, 33% и 41%. Доля желающих отложить рождение за границу трехлетнего периода плавно снижается по мере увеличения неудовлетворенной потребности в детях — с 36% до 24%. Желание родить еще одного ребенка при всех необходимых условиях не находит своего отражения в реальных репродуктивных планах чуть менее чем у трети женщин.

Как уже было сказано, обследование РидМиЖ не позволяет изучить репродуктивные установки и намерения партнера на основании его собственных ответов, однако оно дает возможность судить о них на основании ответов респондента. Намерения пары были сформированы из двух вопросов — о желании респондента иметь ребенка в настоящий момент и аналогичном желании партнера. Исходя из возможных различий в намерениях партнеров, можно предположить, что их несогласие в том, иметь ли детей и сколько, приводит к тому, что желание одного из них не будет реализовано. Это имеет большую вероятность по сравнению с вариантом, когда пара в соответствии с ориентациями одного из партнеров заводит более высокое число детей. При прочих равных условиях связь между намерениями и последующим поведением лучше в тех парах, где оба партнера хотят (или не хотят) иметь детей.

Анализ намерений пары показывает, что вероятность разногласий в паре не выше там, где респондент демонстрирует более высокую неудовлетворенную потребность в детях (рис. 6). Наоборот, среди них чаще встречаются пары, в которых оба хотят ребенка. Самая высокая вероятность разногласий там, где женщина при всех необходимых условиях завела бы еще одного ребенка.

Рисунок 6. Репродуктивные намерения пары в разрезе разницы между желаемым и фактическим числом детей у женщины

Источник: РидМИЖ-2007.

В случае отсутствия разрыва между желаемым и фактическим числом детей у женщины разногласия встречаются нечасто.

Таким образом, можно говорить о том, что репродуктивные установки, выражаемые через желаемое число детей, и фактические намерения родить ребенка хорошо согласованы между собой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система индивидуальных репродуктивных установок включают в себя представления о нормах детности, социально-психологическую потребность в детях и её соотношение как с остальными потребностями человека, так и с внешними обстоятельствами и событиями жизни. На разных этапах жизненного цикла может подвергаться изменениям само желание иметь (еще одного) ребенка и, тем более, его место в иерархии желаний. Поэтому для изучения репродуктивного поведения в контексте с поведением социально-экономическим помимо установок детности крайне важны установки относительно сроков рождения — репродуктивные намерения на определенный период времени.

На российских данных было установлено, что компоненты системы индивидуальных репродуктивных установок гармонично сочетаются между собой. Диссонанс между желаемым и ожидаемым числом детей чаще всего возникает среди женщин, ориентированных на трехдетность. Но в отношении ко всей выборке более значимо число тех, кто при всех необходимых условиях имел бы двоих детей, а планирует рождение только одного ребенка. Чем ниже желаемое число детей, тем выше вероятность того, что оно будет достигнуто — чтобы с высокой вероятностью иметь двоих детей женщина должна быть ориентирована как минимум на рождение троих. Другими словами, в обществе господствует социальная норма двухдетной семьи, которая на практике подразумевает «не менее одного ребенка и не более двух». На этом

промежутке между одним и двумя детьми и должно быть сосредоточено пристальное внимание как исследователей, так и политиков, проводящих социально-экономические меры повышения рождаемости. Распространение на массовом уровне нормы среднетности в обществе, культурное и социально-экономическое развитие которого уже ориентировано на новые условия постпереходной рождаемости, вряд ли возможно. Однако задачей демографической политики может стать поддержка и поощрение этой, не такой уж большой группы населения с ориентацией на рождение троих детей и более. Дальнейшая трансформация норм детности может пойти как в сторону их общего снижения, так и в сторону дифференциации — в таком случае, увеличение доли тех, кто предпочитает позднее рождение единственного ребенка, будет компенсироваться стабильным числом более молодых матерей с двумя и более детьми. Именно такая картина наблюдается в некоторых развитых странах с уровнем воспроизводства населения, близким к простому.

В условных поколениях наблюдаемые расхождения между желаемым и достигнутым размером семьи, а также ближайшими планами относительно рождения ребенка во многом обусловлены календарем рождений. Возраст первого рождения — ключевой фактор репродуктивной биографии, влияющий также и на последовательность социально-экономических этапов жизненного цикла женщины. В условиях высокой однородности российского общества по нормам детности остается низкой вариация возраста при рождении первого ребенка, особенно в многочисленной группе ориентированных на рождение двоих детей. С другой стороны, четко прослеживается связь между ориентацией на однодетность и откладыванием деторождения, стремлением к многодетности и более ранним вступлением в родительство. Женщины, склонные дольше других откладывать рождение первенца, к моменту опроса имеют в среднем меньшее число детей. Поскольку социальная норма твердо держится на уровне двоих детей, то они оказываются наименее удовлетворенными сложившимся положением. Отсюда и более выраженное у них стремление завести (еще одного) ребенка.

Таким образом, условно можно выделить две схемы, в диапазоне между которыми лежат модели репродуктивного поведения в разных социально-демографических группах населения. В том случае, если женщина следует более традиционной модели семьи, она выражает относительно высокие репродуктивные ориентации, рано начинает деторождение, сохраняет высокие намерения завести позже еще одного ребенка и в итоге, с корректировкой на неполную реализацию намерений, имеет как минимум двоих детей. Если женщина ориентируется на рождение только одного ребенка, она часто откладывает его на более или менее продолжительное время, выражая устойчивое намерение родить своего первенца, и реализация этого намерения весьма высока. В целом, сохраняющаяся высокая однородность российского общества по репродуктивным установкам относительно числа детей и сроков их появления на свет делает эти модели мало распространенными в чистом виде.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В. Н. 2006. Факторы рождаемости. Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ. М.: ТЕИС.
- Белова В. А., Дарский Л. Е. 1972. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.
- Бодрова В. В. 2002. Сколько детей хотят иметь россияне? // Электронная версия бюллетеня Население и общество. № 81–82, 2002.
- Борисов В. А. 1976. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.
- Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. Отв. редактор А. Г. Вишневский. Москва, 2000.
- Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
- Becker G. S. A Treatise on the Family, enl. ed. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991.
- Bongaarts J. 2001. Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies // Population and Development Review, Vol. 27, Supplement: Global Fertility Transition (2001). Pp. 260–281.
- Freedman R., Coombs L. C. 1965. Stability and Change in Expectations About Family Size: A Longitudinal Study // Demography, Vol. 2 (1965). Pp. 250–275.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W. C. 2008. Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data // European Journal of Population, 24 (2). Pp 129–156.
- Hoem J. M., Prskawetz A., Neyer G. 2001. Autonomy or conservative adjustment? The effect of public policies and educational attainment on third births in Austria // MPIDR Working Paper WP 2001–016.
- Lesthaeghe R. J., Neidert L. 2006. The Second Demographic Transition in the United States: Exception or Textbook Example? // Population and Development Review, Vol. 32, No. 4 (Dec., 2006). Pp. 669–698.
- Miller W. B., Severy L. J., Pasta D. J. 2004. A Framework for Modelling Fertility Motivation in Couples // Population Studies, Vol. 58, No. 2 (Jul., 2004). Pp. 193–205.
- Morgan P. S. Should Fertility Intentions Inform Fertility Forecasts? // US Census Bureau Conference: The Direction of Fertility in the United States, 2001.
- Philipov D. et al. 2009. Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective (REPRO). State-of-the-Art Review // European Demographic Research Papers.
- Prskawetz A. et al. 2008. Austria: Persistent low fertility since the mid-1980s // Demographic research, Vol. 19, article 12.
- Ryder N. B. 1973. A critique of the national fertility study // Demography, 10 (4). Pp 495–506.
- de Santis G., Livi Bacci M. 2001. Reflections on the economics of the fertility decline in Europe // EURESCO conference, The second demographic transition in Europe, Bad Herrenalb, Germany, 23–28 June 2001.
- Schoen R. et al. 1999. Do Fertility Intentions Affect Fertility Behavior? // Journal of Marriage and Family, Vol. 61, No. 3 (Aug., 1999). Pp. 790–799.
- Sobotka T., Zeman K., Kantorová V. 2003. Demographic shifts in the Czech Republic after 1989: A second demographic transition view, European Journal of Population, 19: 249–277.

- Testa M. R., Grill L.* 2004. The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis // European Demographic Research Papers.
- Testa M. R., Toulemon L.* 2006. Family formation in France: individual preferences and subsequent outcomes // Vienna Yearbook of Population Research 2006. Pp. 41–75.
- Tesfaghiorgis H.* 2007. Fertility, desires and intentions: a longitudinal analysis // The HILDA Survey Research Conference, 19–20 July 2007.
- Thomson E.* 1996. Couple Childbearing Desires, Intentions and Births // NSFH Working Paper No. 67.
- Toulemon L., Testa M. R.* 2005. Fertility intentions and actual fertility: A complex relationship // Population & Societies Vol. 415, September 2005.
- van de Kaa D. J.* 2001. Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // Population and Development Review, Vol. 27, Supplement: Global Fertility Transition (2001). Pp. 290–331.
- Westoff C. F., Ryder N. B.* 1977. The Predictive Validity of Reproductive Intentions Demography, Vol. 14, No. 4 (Nov., 1977). Pp. 431–453.
- Westoff C. F.* 1990. Reproductive Intentions and Fertility Rates // International Family Planning Perspectives, Vol. 16, No. 3 (Sep., 1990). Pp. 84–96.
- Wilson F. D., Bumpass L.* 1973. The Prediction of Fertility Among Catholics: A Longitudinal Analysis // Demography, Vol. 10, No. 4 (Nov., 1973). pp. 591–597.